

М.С. Мейер

Н. БУЙДИЙ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРОПЕЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ НА БОСФОРЕ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

Статья посвящена анализу впервые вводимого в научный оборот архивного источника – «Краткого описания о поступках и особенностях характера ныне резидующих в Константинополе министров европейских держав», составленного переводчиком русского посольства в Стамбуле Николаем Буйдием в 1752 г. В этом документе были суммированы многолетние наблюдения Н. Буйдия за взаимоотношениями османских властей с дипломатическими представителями различных европейских стран, и прежде всего Франции в середине XVIII в.

Ключевые слова: французская дипломатия, Османская империя, международные отношения в XVIII в., Н. Буйд

Среди свидетельств о состоянии Османской империи в XVIII в., принадлежащих представителям российской дипломатической миссии в Стамбуле, особое место занимают доклады и сообщения посольского переводчика Николая Буйдия. Первые сведения о нем содержатся в реляции российского резидента А.А. Вешнякова (1734–1736, 1739–1745) от 25 февраля 1740 г., в котором сообщалось: «Один бедный греченин уже девятый год находится при миссии, годится для перевода с греческого и итальянского на русский и с русского языков, состояния зело тихого, в верности испытанного... зовется Николай Буйдий, уроженец из Арты в Албании, от добрых и лучших тамо родителей»¹. Ограбленный турками, он пришел в Стамбул и был взят Вешняковым под покровительство и в обучение. С 1736 по 1739 г. он со своим патроном находился в России, а после подписания мирного договора они вернулись в Стамбул, где Буйдий был принят на службу в миссии учеником переводческих дел. В 1741 г. прибывший в Стамбул в качестве чрезвычайного посла А.И. Румянцев отмечал, что подопечный Вешнякова «сверх его природного простого и отчасти литарального греческого языка и италианского зело разумеет и пишет по-русски, он же и по-турецки говорить и читать всякую нужду научился»².

Михаил Серафимович Мейер, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки при МГУ.

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1, 1740. Д. 8, Ч. 1. Л. 297.

² Там же. 1741. Д. 12. Л. 466–466 об.

Начиная с 1745 г. отчеты («репорты») Буйдия все чаще встречаются среди донесений российских дипломатов – вначале Вешнякова, а после его смерти А.И. Неплюева (1745–1750). Из этих бумаг следует, что Николай использовался не только как переводчик, но и для контактов с польскими информаторами («конфидентами»)¹. Через него осуществлялась также связь с константинопольским и иерусалимским патриархами. Большая часть «репортов» Буйдия приходится на время после смерти в 1750 г. Неплюева, когда их автору пришлось (до приезда нового российского представителя при Порте) регулярно информировать Петербург о событиях, происходивших в Османской империи в 1750–1751 гг. В 1752 г. он был отозван из Стамбула для продолжения своей службы². По приезде в российскую столицу Буйдий представил Коллегии иностранных дел «Краткое объявление о тогдашнем состоянии Оттоманской Порты», составленное на основе собранной им информации. Этот документ довольно хорошо известен и широко используется отечественными востоковедами³.

Данное сообщение посвящено еще не введенному в научный оборот второму докладу Буйдия, представленного им в том же году Коллегии иностранных дел и озаглавленного «Краткое описание о поступках и особенностях характера ныне резидующих в Константинополе министров европейских держав, составленное по приказу Коллегии Иностранных дел переводчиком Николаем Буйдием сентября 1752 году»⁴. В докладе суммированы десятилетние наблюдения автора за взаимоотношениями османских властей с дипломатическими представителями Франции, Англии, Австрии, Голландии, Венеции, Швеции и королевства Обеих Сицилий, обретавшимися в Стамбуле в середине XVIII в.

В то время значимость дипломатических контактов, осуществлявшихся на берегах Босфора, по мнению автора, существенно выросла, поскольку султанская власть («Порта Оттоманская») «в бессилие пришла». Заметное ослабление военной мощи и центральной власти в империи

¹ Среди первых таких сообщений – «Репорт Николая Буйдия по уведомлению Сулеймана паши двубунчужного, жителя янинского, о бывшем его в менувшию кампанию походе в Диарбекир от 25 января 1745 г.» – Там же. 1745. Д. 4. Л. 150–156 об.

² Известно, в частности, что в качестве переводчика Буйдий сопровождал турецкого посланника Дервиша Мехмед-эфенди во время пребывания того в России (1755 г.) См.: *Данциг Б.М.* Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973. С. 78.

³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. 1752. Д. 7. Л. 1–7. Выдержки из этой работы впервые были опубликованы в статье: *Тверитинова А.С.* К истории русско-турецких отношений в елизаветинское время // Советское востоковедение. 1949. № 6. С. 312–326. См. также: *Данциг Б.М.* Из истории изучения Ближнего Востока в России // Очерки по истории русского востоковедения. Вып. 4. М., 1959. С. 23–24.

⁴ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. 1752. Д. 7. Л. 7–12.

османские правители пытались компенсировать более активным участием в европейской политике.

Вполне понятно, что большая часть доклада посвящена характеристике деятельности французской дипломатии, ведь Франция воспринималась в Стамбуле как наиболее влиятельный надежный союзник Порты в Европе. Отражая в какой-то мере взгляды таких российских дипломатов, как А.А. Вешняков и А.И. Неплюев, Буйдий неоднократно подчеркивает в своем докладе идею о том, что Франция, активно действуя не только в Османской империи, но и повсюду, старается «судьею всего света себя утвердить»¹.

Одним из направлений усилий французских дипломатов он считает предпринимавшиеся еще с XVII в. попытки обратить «греческую нацию», а также армян в католичество. С этой целью грекам первоначально предлагалось не только покровительство французского посольства, но и возможность обучения их детей в парижских гимназиях «со всякой довольностию и на королевском иждивении». Поскольку такие «ласкательные средства», как полагает автор, не дали результатов и греки остались тверды в вере, дальнейшая активность французских дипломатов сосредоточилась на подчинении своему влиянию Антиохийской, Александрийской и Иерусалимской патриархий, а после этого и Константинопольского патриархата. Тем самым, подчеркивает Буйдий, «все христианские народы, подданные Оттоманской империи, могли французскому и папийскому [Ватиканскому. – М.М.] дворам верными быть во исполнении их желаний, которое состоит в том, чтоб французскому двору утвердился судьей над всем светом, а папийскому двору полную власть иметь над всеми церквями»². В организации религиозных притеснений французы постарались заручиться поддержкой османских властей, которых они не только щедро одаривали, но и убеждали в том, что греки и армяне, принявшие католичество, стали бы верными султанскими подданными и «неприятелями Российской империи». Однако эти действия, по свидетельству Буйдия, не имели успеха. Более того, «патриархи и армянский вердабет или начальник их закона разсудили, что вот удобный случай препятствовать к обращению римской религии, принося жалобы к Порте на тех греков и армян, новопримемляющих римский закон»³.

Другим направлением деятельности французских дипломатов Буйдий считает их усилия по развитию французской торговли в странах Леванта. Он подчеркивает, что «великие прибитки Франция получает от своих торгов, цветущих в Турецком государстве». В совокупности с до-

¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Л. 7.

² Там же. Л. 8.

³ Там же.

ходами от найма французских судов другими европейским торговцами ее прибыль от коммерческих операций исчисляется им в 6 млн пиастров (курушей)¹. Столь высокие доходы привлекли в Османскую империю большое число французов, стремившихся, так или иначе, участвовать в торговых операциях. Их общую численность в то время Буйдий определял в 30 тыс. человек².

Одновременно он подчеркивал, что Франция старается «всеми силами разорить» английских и голландских конкурентов, «дабы токмо она коммерцию в Оттоманской империи одна имела». В результате «английская и галанская коммерция в Турции так уменьшилась, что из многих торговых домов, находящихся там прежде сего, ныне весьма малое число обретается, и то вовсе оскудевает». По наблюдениям самого Буйдия, в Смирне (Измире), где еще в 30-х годах «нагружалось товарами, происходившими из Меншой [Малой] Азии, около двухсот пятидесяти суден», но спустя 15 лет «едва могут шестьдесят суден нагружиться»³. К той же теме он возвращается, рассказывая о деятельности английского посла Дж. Портера (1746–1761): «По вышеозначенной причине, что англичка коммерция в Турецком государстве в великом упадке, потому мало в делах упражняется, а о состоянии Турецкого государства почти ничего не думает»⁴. Примерно так же описывается им и состояние голландской торговли: «Госпие, галанский посол, также мало упражняется в делах коммерции, ибо за скудостью торга, едва одно галанское судно через два года в Константинополь прибывает»⁵.

Заинтересованность французских дипломатов в развитии торговых операций Буйдию вполне понятна. Ведь покровительство, которое французский посол оказывал как европейским, так и местным купцам из числа греков, армян и евреев, стоило им очень дорого. Посол «под претекстом, что без денег не может защитить их от турок, собирает от них такую сумму денег, какую сам пожелает, коими денгами сам посол довольствуется, раздает и туркам, которые уже довольно ведают, что такими и протчими хитрыми средствами французский посол обогатятся, выезжает из Константинополя во Францию. И по примеру тех послов,

¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Л. 8 об.

² Там же.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 9 об. Вероятно, Буйдий опирался в своих суждениях на мнение известного в то время марсельского торговца Леруа, составившего в начале 40-х гг. XVIII в. обширный обзор состояния левантйской торговли – *Mémoire detaille sur le commerce de la plus grande partie de l'Europe en Levant*. С этим документом был знаком Вешняков. Он и переслал текст «промемории» и его русский перевод в Петербург. См.: АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. 1742. Д. 5. Ч. 1. Л. 187–217 об.

⁵ Там же. 1752. Д. 7. Л. 10.

также и многочисленные французские консулы, обретающиеся повсюду Османской империи, вышеозначенными средствами от подданных Порты разбогатаясь, во отечество отъезжают¹.

Особенности деятельности Франции в Османской империи, обозначенные Буйдием, весьма примечательны. Они решительно отличаются от того политического курса, которого придерживался двор Людовика XIV в конце предшествующего столетия. Если в годы 16-летней войны государств «Священной лиги» против Османской империи французский король вынашивал планы военной экспедиции с целью захвата Константинополя и раздела европейских владений султана², то его преемник вполне определенно сделал выбор в пользу усилий по развитию торговли с Османской империей и сохранения ее целостности. Она стала рассматриваться в качестве одного из основных элементов «восточного барьера» на пути усиливавшегося влияния России в Европе.

Не менее интересны наблюдения Буйдия по османской дипломатической практике. Из его рассказа следует, что османские власти начали внимательно присматриваться к жизни и деятельности европейских послов, чтобы глубже вникнуть в политику их держав. Каждый вновь прибывавший дипломат становился объектом пристального интереса со стороны реис-эфенди, ведавшего вопросами внешней сношений. «Анатомию зделавши о ево особенном характере», османский сановник и его приближенные пытались сыграть на слабостях «европейского министра». Для «особливо слабого разума, склонного к притяжению [удовлетворению] собственной корысти и желательного [желающего] показать себя услужным [успешно действующим] при своем дворе» готовились «притворные конфиденты», через которых шла к западным столицам информация, подготовленная султанским двором. Особо отмечает Буйдий «ласкательство», оказываемое Портой французскому послу Ролану Пишо Дезаллэру (1747–1754), который, по его мнению, «имея посредственные таланты в своем разуме, в мелких делах упражняется, а о глубоких мыслить не может»³.

Впрочем, Буйдий не скрывает своего разочарования от встреч «ассамблей» европейских дипломатов, на которых ему удалось побывать: «От разговоров их другие присутствующие ни в чем не могут пользоваться, ибо все те их разговоры легкие и безприбыльные»⁴. Объяснение

¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Л. 8–8 об.

² Подробнее об этом см.: *Bilici F. XIV Louis ve Istanbul’u Fetih Tasarısı / Louis XIV et son projet de conquête d’Istanbul*. Ankara, 2004.

³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. 1752. Д. 7. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 11 об.

тому он видит отчасти в малом интересе большинства дипломатов к тому, что происходит в Османской империи, отчасти же в невысоком уровне их знаний и профессиональной подготовки. Им он противопоставляет трех европейских послов, которые «разумными особами, как турками, так и христианами, ...почитаются особливо зрелого разума и глубоких искусств» – французского посла маркиза де Боннака (1710–1724), венецианского байля Эмо (1720–1734) и российского резидента И.И. Неплюева (1721–1734)¹.

Те «комедии», что устраивались, по свидетельству Буйдия, при султанском дворе, показывают, что османское правительство отнюдь не желало быть послушной игрушкой в руках европейцев. Более того, оно стремилось использовать свои контакты с представителями европейских держав для достижения своих целей на европейской арене. Если признать правдивость основных свидетельств Николая Буйдия, то у исследователей появляется возможность пересмотра широко распространенной в исторической литературе версии о решающем влиянии западной дипломатии на деятельность правителей Османской империи в середине XVIII в.

Список литературы

Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973. [Dantsig В.М. Blizhnij Vostok v russkoj nauke i literature. М., 1973].

Данциг Б.М. Из истории изучения Ближнего Востока в России // Очерки по истории русского востоковедения. Вып. 4. М., 1959. [Dantsig В.М. Iz istorii izuchenija Blizhnego Vostoka v Rossii // Oчерки po istorii russkogo vostokovedenija. Выр. 4. М., 1959].

Тверитинова А.С. К истории русско-турецких отношений в елизаветинское время // Советское востоковедение. 1949. № 6. [Tveritinoва А.С. K istorii russko-turetskikh otnoshenij v elizavetinskoe vremja // Sovetskoe vostokovedenie. 1949. № 6].

Bilici F. XIV Louis ve Istanbul’u Fetih Tasarısı / Louis XIV et son projet de conquête d’Istanbul. Ankara, 2004.

¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Л. 12.